

Человек из солнечной вселенной

Трагедия — 1994 — 23 апр — С.С.
Сегодня исполняется 100 лет

со дня рождения Сергея Сергеевича Прокофьева

Знаете ли вы музыку Сергея Прокофьева? Конечно, что за вопрос, скажет просвещенный любитель. Кому не известны, например, кантата «Александр Невский», Классическая симфония, фортепьянные «Мимолетности»? Кто, хотя бы во фрагментах, не слышал (а может, даже видел) балет «Ромео и Джульетта», оперу «Любовь к трем апельсинам» (помните знаменитый марш оттуда!), вальс Наташи, арию Кутузова из «Войны и мира»...

Но есть ведь и другой Прокофьев — Прокофьев «Огненного ангела», Второй и Третьей симфоний, «красного» балета «Стальной скок»... Услышать и увидеть эти работы и сегодня редкость — может, из-за того, что до сих пор лежит на них тень проклятия, наложенного жесткой идеологической диктатурой еще в далекие 30-е, 40-е годы!

Как бы там ни было, статистика свидетельствует: Прокофьев наряду с Моцартом — один из самых исполняемых в мире композиторов. Особенно в нынешнем году, юбилейном для них обоих.

Прокофьев — Моцарт... Похоже, в этой параллели находишь ключ к пониманию индивидуальности нашего великого соотечественника. Не зря же он так любил искусство XVIII века. Моцартовская ясность формы, блестящее владение профессиональными секретами во всех жанрах, даже вундеркиндство — все это присуще и ему, Прокофьеву.

Но главное — свет: творчество обоих буквально пронизано светом, жизнелюбием.

Где искать корни этой светоносности? Конечно же, в детстве Прокофьева — безоблачно и счастливо, прошедшем отнюдь не в изысканных столичных салонах, а посреди прекрасной южноукраинской природы, в крепкой дружной семье, где царила радостная атмосфера познания, труда, а с появлением Сережи — и творчества. Этот заряд света музыкант сохранил на всю жизнь. Он в чем-то и остался на всю жизнь светлым, солнечным ребенком, словно сплывшимся в этот мир из другой, более совершенной вселенной.

Но равнодушным созерцателем он не был. Яростное, пла-

менное жизнеутверждение — вот его ответ на вызовы бытия. Юноша, властно и решительно вошедший в круг столпов русской музыки — таких, как Танея, Римский-Корсаков, Лядов, Глазунов, — он отразил этот радостный, созидательный напор в Первом, особенно во Втором фортепьянном концертах. Это неуклонное стремление к кульминации, к драматической развязке вскоре получит еще более масштабное воплощение в оперных партитурах — в «Игроке» по Достоевскому, «Огненном ангеле» по Брюсову.

А рядом — совершенно неземная, хрустальная лирика Первого скрипичного концерта. И словно поднимает, увлекает за собою в полет вдохновенная мелодия из финала Третьего фортепьянного концерта — одна из самых прекрасных тем всей мировой музыки.

Баловень судьбы, не поняв революцию, уехал — так говорили долгое время о Прокофьеве. Справедливо ли это? Так ли уж был он наивен?

Почитаем-ка его дневник 1927 года (он только что опубликован музыкантами-исследователями М. Таракановым и Н. Савкиной в юбилейном сборнике «Сергей Прокофьев. Дневник, письма, беседы, воспоминания»). Композитор впервые видит Советский Союз

после долгой разлуки. Какая острота взгляда! Какая ирония по отношению к нелепым сторонам действительности... И вместе с тем — какая сердечность с друзьями, с теми, кто был действительно дорог! Наконец, какое удивительное для него, «небожителя» с мировой славой, волнение перед родной публикой...

Ибо императивом его жизни являлось искусство. Оно-то и стало источником той единственной, но роковой, действительно наивной иллюзии: будто тот вершинный уровень, которого он трудом и талантом достиг в мире искусства, делает его неуязвимым в мире обыденном. Наверное, поэтому и решил вернуться.

Родина щедро заплатила Прокофьеву за его возвращение. Заплатила общением с такими вновь обретенными единомышленниками, как Ойстрах, Рихтер, Ростропович... Творческим сотрудничеством с Эйзенштейном, Лавровским, Улановой...

Но уже долгая история постановки балета «Ромео и Джульетта» говорит о том, с каким трудом пробивала себе путь музыка Прокофьева. Запечатлена «Здравица», но посвящена-то она одному из самых страшных тиранов за все времена человечества, хоть в ней — искренняя, действительно всенародная любовь к

символу, который олицетворял тогда страну...

Сам Прокофьев еще бодр. 1937 год для него, например, — год Пушкина; именно в это время он как-то по-новому осознает себя продолжателем традиций русского искусства — Глинки, Мусоргского, Чайков-

ского... Но вот арестовывают Мейерхольда, срывается постановка «Семена Котко»...

Затем война, новые невзгоды, новый творческий взлет. А в 1945 году разражается первый приступ роковой гипертонической болезни...

Небожитель оказался обыкновенным смертным человеком. Его, как выяснилось, при желании можно даже свалить, нашлись бы эти желающие.

Желающие нашлись. И вот наносится решающий, нокаутирующий удар: постановление ЦК ВКП (б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели.

Насколько страшен он был, можно судить по тону, в котором составлено письмо композитора в адрес председателя Комитета по делам искусств П. И. Лебедева и генерального секретаря Союза советских композиторов Т. Н. Хренникова от 16 февраля 1948 года. «Как это ни болезненно для целого ряда композиторов, в том числе и для меня, я при-

ветствую постановлению ЦК ВКП (б) (...) Элементы формализма были свойственны моей музыке еще лет 15—20 тому назад. Зараза произошла, по-видимому, от соприкосновения с рядом западных течений. После разоблачения «Правдой», по указанию ЦК ВКП (б), формалистических ошибок в опере Шостаковича я много размышлял о творческих приемах моей музыки и пришел к заключению о неправомерности такого пути (...) В атональности, которая часто близко связана с формализмом, я тоже повинен (...) В дальнейшем я надеюсь изжить этот прием» и т. д. и т. п.

Чудовищно! Это — о произведениях огромной художественной силы, гигантского, истинно народного масштаба звучания. Это — о немеркнущих шедеврах: о Пятой симфонии, о Седьмой и Восьмой сонатах — сочинениях, в годы войны духовно приблизивших нашу Победу. Это — о музыке, в которой выверена буквально каждая нота!

С другой стороны, что было делать ему, тяжело больному, строгим запретом врачей прикованному к дому, стесненно-му в общении с коллегами, с живой музыкой, вынужденному даже юбилейный концерт по случаю собственного 60-летия слушать через телефонную трубку?

Но мало этого, к композитору был применен стандартный иезуитский прием тех лет: репрессирована по сфабрикованному обвинению его первая жена, певица Лина Прокофьева — мать двоих его сыновей. Восемь лет ей суждено было провести в лагерях, так что даже о смерти Сергея Сергеевича она узнала не сразу, случайно, когда по радио сообщили, что где-то в Аргентине состоялся концерт памяти композитора Прокофьева.

Поистине трагическое сплетение судеб! Да и чего стоит роковая ирония, по которой

музыкант умер именно 5 марта 1953 года, день в день со своим державным палачом...

Мы в долгу перед Прокофьевым. Этот долг не возместило контрпостановление 1958 года, после которого хулиители Прокофьева получили возможность вновь стать его хвалителями. Этот долг не возместила посмертная Ленинская премия за чудесную Седьмую симфонию — долгое время ее у нас стыдливо называли «Юношеской», хотя в финале ее ясно звучат примиренно-скорбные мотивы прощания с жизнью. Кирпичиками, к сожалению, не очень многочисленными, в фундамент духовного монумента композитору стали запоздалые постановки «Войны и мира», «Игрока», кантаты «К XX-летию Октября», «Огненного ангела», недавно вновь открытой оперы «Мадалена»...

Но почему до сих пор в стране нет настоящего большого музея Прокофьева, подобного клинскому или воткинскому музеям Чайковского? Почему могучим нашим государством так и не приобретены права на ряд капитальных прокофьевских сочинений, ныне принадлежащие иностранной фирме «Бузи энд Хокс»? Почему, наконец (прав, задавая этот вопрос, Геннадий Рождественский), нет у нас театра Прокофьева — наподобие того, как в Байрейте есть театр Вагнера? Неужели, пользуясь горькими словами самого Прокофьева, «это совсем не нужно нашему народу»?

Или более прав его друг Мясковский, писавший по поводу «Огненного ангела»: «Еще стоит жить на свете, пока сочиняется такая музыка»?

Есть ли необходимость судить, который из двух друзей на сей раз оказался более справедливым к музыке Сергея Сергеевича Прокофьева?

С. БИРЮКОВ.

● Портрет С. Прокофьева работы П. Кончаловского.